

DOI: 10.15393/j9.art.2012.352

Татьяна Александровна Кошемчук

*доктор филологических наук,
профессор кафедры лингвистики и межкультурной коммуникации
юридического факультета,
Санкт-Петербургский государственный аграрный университет
(Санкт-Петербург, Пушкин, Российская Федерация)
poetica@post.com*

**РАСКОЛЬНИКОВ, СТАВРОГИН, ВЕРХОВЕНСКИЙ,
ИВАН КАРАМАЗОВ — СТАРЕЦ ЗОСИМА:
АТЕИСТИЧЕСКАЯ ИДЕЯ В СВЕТЕ
ХРИСТИАНСКОГО СОЗНАНИЯ**

Аннотация: В статье исследуется система персонологических характеристик героев-атеистов у Достоевского, свидетельствующих об их плененности злом. Подробная симптоматика являет собой единый личностный комплекс, характерный для всех названных героев-атеистов: злоба, раздражение, ненависть, презрение, отвращение, наконец, желание убить, задушить. Сущность происходящего вскрывается в сфере демонологии: кульминацией оказывается встреча героя, носителя атеистической идеи, с чертом — первоисточником идеи. Ситуация показана с точки зрения христианского сознания старца Зосимы, с помощью которого Достоевский дает ответ на все кажущиеся неразрешимыми сомнения Ивана, на его провокационные вызовы. В системе сцеплений романа выявляется строгая иерархическая соотнесенность разных точек зрения, не равенство их, но главенствующее положение одной среди других, в ней исход всех вопрошаний. Таков смысл соположения героев в художественной концепции Достоевского: героя христианина и героев атеистов.

Ключевые слова: персонология Достоевского, система характеристик, идея героя, атеистическое сознание, христианское сознание

Внутренний мир Раскольникова с позиции всезнания абсолютно авторитетного автора, точного духовного диагноста своей эпохи, предстает на страницах романа — вопреки симпатии к этому герою многочисленных критиков романа — как мир зла. Это становится очевидным, если посмотреть на ситуацию с позиции традиционной христианской духовности, в поле которой разворачивалась персонология Достоевского — его понимание личности человека как духовно-душевного единства.

Душевная жизнь Раскольникова — это, в прямых авторских проникновениях, целый поток зла, поток симптомов одержания, так что роман буквально пестрит такими подробностями, как *злоба, раздражение, судороги, конвульсии, скрежет и щелканье зубов, вспенившиеся от злобы или дрожащие губы, перекосившееся лицо, кусание ногтей, злобное раздражение, презрение, отвращение, злоба захлебывающаяся, задыхающаяся, зверская, неистощимая, сжатые*

от злобы кулаки, сводящее с ума бешенство, бесконечная ненависть, пароксизмы ненависти, ярость, исступление, желание наплевать, укусить, оскорбить, наконец, о чем далее, — убить, задушить. Итог не случаен и не объясним только ошибкой в теории — кровавое убийство, к тому же повторенное в бешенстве — во сне, отражающем глубины душевной жизни. Приведенные ключевые слова подтверждаются десятками цитат из «Преступления и наказания», так что в целом их оказывается, при отборе самых характерных, более двухсот (см. подробно: [1, 92—137]). И все эти тонкие, тщательно разработанные, постоянно варьируемые Достоевским симптомы одержания духом зла, очевидные в контексте православной пневматологии (т. е. система авторских приемов при воссоздании душевной и мыслительной жизни героев бунта, героев атеистической идеи), станут повторяющимися, типологическими в следующих романах Достоевского.

Здесь я обращаюсь именно к кульминационным проявлениям зла — характерным персонологическим характеристикам теоретиков и практиков бунта, доморожденных философов без всякой выучки и элементарной дисциплины мысли, бесноватых философов отрицания, в силу своей подвластности злу — готовых на убийство (при различной глубине плененности): Раскольников, Ставрогина, Верховенского, Ивана Карамазова. Конечно, Верховенский — нежелательное соседство для «обаятельных» бунтарей. Но авторская персонология здесь едина, хотя различны исходы — от возможности прозрения до полной невозвратности.

Для всех названных героев характерны агрессивные внутренние импульсы с оттенком патологической злобности. Об отношении Раскольникова к людям всеведущий автор пишет:

...это было какое-то бесконечное почти физическое отвращение ко всему встречному и окружающему, упорное, злобное, ненавистное. Ему гадки были их лица, походки, движения; просто наплевал бы на кого-нибудь, укусил бы, кажется, если бы кто-нибудь с ним заговорил... (Здесь и далее курсив мой. — Т. К.)¹.

Старуха, убитая Раскольниковым, это злобное желание осуществила — укусила *со зла* Лизавету, чуть палец не отрезали. Это, говоря пушкинским словом, *странное сближение* можно усилить еще одним: Ставрогин поддается подобному же патологически злобному импульсу: у всех в памяти эпизод, когда Ставрогина увещевает добрейший Иван Осипович:

Скажите, что побуждает вас к таким необузданным поступкам... (10; 42). Вдруг как бы что-то хитрое и насмешливое прормелькнуло в его взгляде (10; 42).

Здесь с точки зрения духовной диагностики чувствуется присутствие того, кто и Раскольникова *тащил* убить старушонку.

— Я вам пожалуй скажу, что побуждает (10; 42).

Ставрогин «вдруг прихватил зубами и довольно крепко стиснул в них верхнюю часть его уха» (10; 43), Иван Осипович задрожал, и «дух его прервался» (10; 43). Здесь бес глумления, одержимость — отсюда и смертный страх, и нестерпимое безобразие этой изуверской сцены. Вполне внятно для духовной диагностики звучит далее: арестованный, вдруг *взбесившийся*, стал *неистово* бить в дверь, с *неестественной* силой оторвал железную решетку — феномен подобного беснования описан многократно. Раскольников и черт — эта тема вполне развернута еще Мережковским [3]. Ставрогин и черт (его демон, как он назван в романе) — вот еще один из подтверждающих фрагментов: после своей летаргической неподвижности во сне «он вдруг сам открыл глаза и, по-прежнему не шевелясь, просидел еще минут десять, как бы упорно и любопытно всматриваясь в какой-то поразивший его предмет в углу комнаты, хотя там ничего не было ни нового, ни особенного» (10; 182). А в последнем романе эта ситуация Достоевским развернута в полную картину — как реальная встреча с реальным духом зла Ивана Карамазова, которая также началась с неподвижного сидения и упорного всматривания в одну точку, на стоящий у противоположной стены диван, на какой-то тоже «предмет».

Понятен источник зла в героях — жестокой демонической злобности, как в этих ситуациях, когда герою неудержимо хочется, например, укусить кого-то. Или — *наплевать*, что буквально осуществляют и Раскольников, и Карамазов. Еще одно общее проявление: все герои выбранного ряда в бешенстве стучат кулаком. Более общее для всех них — острое желание убить, агрессивность в чувстве, в мысли, в желании, в намерении, в поступке. У Раскольникова — в пяти ситуациях: по временам ему «хотелось кинуться и тут же на месте *задушить* Порфирия» (6; 262); «...в это мгновение *такая ненависть* поднялась вдруг из его усталого сердца, что, может быть, он бы *мог убить* кого-нибудь из этих двух: Свидригайлова или Порфирия. По крайней мере, он чувствовал, что если не теперь, то впоследствии *он в состоянии это сделать...*» (6; 342); «Если Свидригайлов что-нибудь интригует против Дуни, то... тогда я *убью его*» (6; 355); о Лужине: «он, кажется, *убил бы его!*» (6; 36); о Заметове: «Он бы, кажется, так и *задушил* в эту минуту Заметова» (6; 195). Наконец, злобая ненависть направлена и на убитую уже старуху:

О, как я *ненавижу* теперь старушонку! Кажется, бы другой раз *убил*, если б очнулась! (6; 212).

Что и происходит во сне.

Ставрогинская способность убить, как и у Раскольникова, подтверждается не только фактами его прошлой, до романного времени жизни. Верховенский хватает Ставрогина за локоть, чувствуя бешенство:

...схватив Верховенского за волосы левою рукой, он бросил его изо всей силы об землю и вышел в ворота (10; 321).

Таков же исход злобы и при встрече с Федькой:

Он схватил бродягу за шиворот и, со всею накопившеюся злобой, изо всей силы ударил его об мост (10; 220).

Еще одна неконтролируемая вспышка злобы и еще удар, направленный — в этот раз это женщина, своего рода юродивая (подобное не остановило и Раскольниковова):

«Что ты сказала, несчастная...» — возопил он и изо всей силы оттолкнул ее от себя, так что она даже больно ударилась плечами и головой о диван (10; 219).

В этом ряду, конечно, и Иван Карамазов: у Ивана не раз вспыхивает желание убить. Его отношение к Катерине Ивановне — любовь и ненависть, вплоть до того, что *мог даже убить*. Убить он готов и Смердякова:

«Я *убью* его, может быть, в этот раз», — подумал он дорогой (15; 57); Надо *убить* Смердякова!.. Если я не смею теперь *убить* Смердякова, то не стоит и жить! (15; 54).

По пути к Смердякову его порыв злобы к мужичку, ничем перед ним не провинившемуся, едва не привел к убийству:

Тотчас же ему неотразимо захотелось *пришибить* сверху кулаком мужичонку (15; 57).

И эта бешеная злоба тотчас же выплескивается:

...мужичонко, сильно качнувшись, вдруг ударился изо всей силы об Ивана. Тот *бешено* оттолкнул его.

И оставил упавшего на земле, подумав: «Замерзнет» (15; 57). Он в ярости *бьет* также и Смердякова:

Иван Федорович вскочил и изо всей силы ударил его *кулаком* в плечо, так что тот откатнулся к стене (15; 51).

Так Иван дважды бьет в неудержимом бешенстве — слабых, ничем не защищенных людей. Еще и нечто любопытное — он говорит черту:

«Молчи, или я *убью* тебя!» (15; 83).

Далее об иных сходных симптомах тяжкого духовного недуга, при чем привожу здесь по два-три примера из десятка и более в каждом случае. Лишь отметив такой симптом, как *раздражение*, эту постоянную питательную почву острых злобных вспышек, у Раскольниковова, Ивана Карамазова, Ставрогина, у всех без исключения персонажей «Бесов», а также злобу как таковую (здесь к каждому герою — десятки и десятки цитат), перехожу к более ярким. Это су-

дороги, крайне болезненный симптом, отмечены автором у Раскольникова: лицо его *искривлено судорогой*; лицо его *перекосилось* как бы от *судороги*. То же и у Ивана Карамазова: *шел он точно судорогой* — уходя от Смердякова; по пути к Смердякову чувствовал *судороги в кистях рук*.

«Пальцы-то у вас все дрожат-с, в *судороге*», — заметил Смердяков (15; 60).

Порой, как у Раскольникова, доходит и до конвульсий: Иван вдруг *затрясся в конвульсивном испуге*. И у Верховенского судороги и конвульсии: лицо передергивается *какой-то злобной судорогой*; в разговоре со Ставрогиным:

«Помиримтесь, помиримтесь», — прошептал он ему *судорожным* шепотом (10; 321).

Роднит Раскольникова с Верховенским такой крайне болезненный симптом, как *пена на губах*: у Раскольникова в сцене на мосту после удара кучера, вспенившиеся губы также реакция злобы на Порфирия; у Верховенского: кидается на Ставрогина в *бешенстве*, с *пенной* у рта. Кстати и о *ногтях* — еще один раскольниковский симптом (Раскольников кусает ногти в состоянии злобы) обнаруживается у Верховенского: на собрании «своих» он *стрижет свои длинные и нечистые ногти*.

Скрежет зубов — общее для всех проявление крайней злобы: Раскольников *злобно заскрежетал и защелкал зубами* после удара кучера, а также *скрежещет* при мысли о том, что он *эстетическая вошь*. Это нередко в «Бесах»: *скрежещет зубами в ярости* Шатов; *скрежещет зубами* Ставрогин не раз в разговоре с Марьей Лебядкиной. Иван же *скрежещет* зубами — чаще и страшнее всех, *скрежещет с яростным презрением*; говорит с Алешей *скрежещущим* шепотом; «Нет, клянусь, нет! — *завопил скрежеща* зубами Иван» — Смердякову (15; 53); «А! Так ты намеревался меня и потом мучить, всю жизнь! — *проскрежетал* Иван» (15; 63).

Стоит отметить у всех и такие симптомы, как дрожание и искривившееся, перекосившееся лицо. Нервная дрожь — постоянное проявление болезненного состояния Раскольникова: от злобы *дрожат* его руки, ноги, губы, голос, все тело — в разговоре с Порфирием *дрожит от бешенства*; чувствует непрерывную *дрожь* во всем своем теле; *дрожит от дикого истерического ощущения*. Кривится и искажается его лицо, *как бы после какого-то припадка*.

В «Бесах» симптомы болезненной злобности разлиты по всему роману: дрожь, дрожащие губы, искривленное лицо — подобные авторские наблюдения относятся практически ко всем персонажам. В «Братьях Карамазовых» именно Иван в проявлении этих симптомов напоминает «бесов»: у Ивана *дрожат* руки при встрече со Смердяковым от ненависти к нему, он *весь дрожит мелкою холодною*

дрожью. Одновременно *искривляется* от злобы лицо: «...что-то как бы *перекосилось* и дрогнуло» (14; 249) в его лице; «Э, черт! — вскинулся вдруг Иван Федорович с *перекосившимся* от злобы лицом» (14; 246).

Злоба Ивана, как у «бесов» и у Раскольникова, естественно перерастает в *ненависть*, *бешенство*, *исступление*, *ярость*. Ивану, пожалуй, ненависти достается больше всех остальных героев этого же типа (такое острое состояние, кстати, не характерно для окамененного нечувствия Ставрогина). Тут же и исступление и ярость: Иван *вопит* в *исступлении*, в *ярости* разговаривает с чертом, кричит *яростно*. Подобные проявления крайней злобы многочисленны в романе «Бесы» — читатель легко обнаружит многочисленные авторские характеристики с выделенными ключевыми словами.

Стоит сделать из приведенных наблюдений ряд выводов. Прежде всего, подробная симптоматика злобной одержимости Ивана, проведенная Достоевским, не оставляет никакого сомнения: не только отождествление, но даже и частичное приравнивание Ивана и автора романа (столь частое в исследовательской литературе) недопустимо.

В названном ряду героев общая болезнь, характера сверхфизического, пневматологического — одержимость духом зла. Всех объединяет и эмпирический характер: нетерпеливая раздражительность, разнузданные злобные чувства, бесконтрольно отпущенные на волю, безумные вспышки самой неистовой злобы со всеми ее болезненными симптомами. Общее и мирозерцание, допускающее преступление, злые поступки, эксперименты над собственной природой — все это, душевное, духовное и жизненно-конкретное в персонологии Достоевского являет собой единый личностный комплекс, определяемый в сфере метафизики идеи, точнее говоря, в сфере демонологии. В антропологическом поле реализма Достоевского, распахнутом в пневматологическую перспективу, кульминацией оказывается встреча героя, носителя атеистической идеи, с чертом — первоисточником идеи.

Стоит отметить: различны степень одержимости и вероятность освобождения в этом ряду героев, и одним из симптомов преодолемости болезни — здесь я лишь намечаю ракурс темы — является страдание. Бесы — не страдают, но глубокое мучение сопутствует истории болезни Раскольникова и Ивана Карамазова.

Не раз говорилось о делении всех героев Достоевского на две группы: верящих в Бога и отрицающих Бога. Это деление безусловно подтверждено всеми приведенными персонологическими наблюдениями: все перечисленные выше характеристики ни в малой степени не употребляются при авторском проникновении в души героев веры (Мышкин, Зосима, Алеша).

Достоевским в последнем романе дана ослепительно яркая идея бунта и отрицания — позиция, до самых глубин и пределов им продуманная, прожитая и оставленная, причем она даже усилена, казалось бы, не отражимо быющими в цель аргументами вроде затравленного собаками мальчишка — кто не содрогнется и не повторит сказанное Алешей слово.

Но дан и ответ на вызов бунта, ответ небывалой силы, безусловно дан, иначе зачем бы возводилось все здание... Именно старец Зосима отвечает героям атеистического сознания, причем не сюжетно, не только своим присутствием в тексте, но прежде всего словесно. Здание возведено прочно, без перекоса в одну сторону, на кульминацию отрицания приходится и невиданная ранее кульминация света, злу дано противоядие — действенный христианский путь преодоления, и читатель безусловно вознагражден за свои мучения, им пережитые вместе с Алешей. Достоевский точно обозначил, где этот ответ: он пишет К. П. Победоносцеву о бунте Ивана и о том, что опровержение его будет дано в книге «Русский инок», но не по пунктам, а косвенно, в художественной картине.

Слова Достоевского стоит принять всерьез и сопоставить две позиции. Окажется, что все сказанное Иваном, его самые броские идеи — отнюдь не неопровержимы, даже не новы — для старца Зосимы. В упомянутом письме Достоевский проясняет характер современного богохульства с точностью духовного диагноста: «...отрицается изо всех сил создание Божие и смысл его». И ниже: «Опровержение сего (не прямое, то есть не от лица к лицу) явится в последнем слове умирающего старца»². Как же именно?

Старец Зосима, «наш русский положительный тип»³, с его огромным опытом претворения собственной души и проникновения в души других, отвечает Ивану — и в его лице героям атеистического типа сознания — прямыми и точными словами.

Иван мучается злом мира, людским страданием? Ответ старца таков: прежде всего нужно обратиться от зла в мире — к злу в самом себе. Необходимо в этой ситуации прежде всего *самосознание*, т. е. умение видеть свое зло. Он призывает: *смотри за собой*, и знай, что ты хуже других:

Всяк ходи около сердца своего, всяк себе исповедайся неустанно (14; 149); На всяк день и час, на всякую минуту ходи около себя и смотри за собой, чтоб образ твой был благолепен (14; 289).

Начало самопознания таково:

Главное, убегайте лжи, всякой лжи... Наблюдайте свою ложь и вглядывайтесь в нее каждый час, каждую минуту (14; 54).

Ивану же недостает именно этого — глубины самосознания, умения мужественно вглядываться в свои злые импульсы (об этом

подробно см.: [2], [1, 137—187]), фиксировать, продумывать и оценивать свои злые мысли. Это действенный путь — путь преодоления зла: «...то, что вам кажется внутри себя скверным, уже одним тем, что вы это заметили в себе, очищается» (14; 54), — говорит старец. Этот путь претворения зла, тщательно разработанный в православной традиции, в романе писателем дан троекратно: им прошел Маркел, сам старец и идет Алеша. Подробно показано, как из осознания своего *безобразия* рождается мысль, которая стала основой всей христианской жизни старца Зосимы:

...думаю, — воистину я за всех, может быть, всех виновнее, да и хуже всех на свете людей! (14; 270).

И Раскольникову, и Ивану предстоит обратить свой внутренний взор на себя, открыть многообразное зло мира не в других, а в своих собственных мыслях, чувствах, импульсах воли. Вместе с этим отпадут и ложные теории самочинного ума. Старец Зосима говорит о теории вседозволенности, допустимости преступления, словно напрямую обращаясь к Ивану, имея в виду вообще современных молодых людей:

Те вослед науке хотят устроиться справедливо одним умом своим, но уже без Христа, как прежде, и уже провозгласили, что нет преступления, нет уже греха. Да оно и правильно по-ихнему: ибо если нет у тебя Бога, то какое же тогда преступление? (14; 286).

Логика безбожия для старца Зосимы прозрачна, он видит правоту умозаключений Ивана, если в качестве предпосылки взят отрицательно решенный вопрос — о Боге и о бессмертии.

Можно ли его разрешить иначе? Ведь у Ивана в глубине души нет окончательного решения, чем он и мучается. Можно, — отвечает старец: «...доказать тут нельзя ничего, убедиться же возможно» (14; 52). Как?

Опытom деятельной любви. Постарайтесь любить ваших ближних деятельно и неустанно. По мере того, как будете преуспевать в любви, будете убеждаться и в бытии Бога, и в бессмертии души вашей. Если же дойдете до полного самоотвержения в любви к ближнему, тогда уж несомненно уверуете, и никакое сомнение даже и не возможет зайти в вашу душу. Это испытано, это точно (14; 52).

Здесь Достоевский устами своего героя выражает святоотеческий опыт, действительно испытанный веками: чтобы приобрести веру и любовь, нужно совершать дела любви, даже и не имея любви — таков первый шаг. Этот труд души должен быть постоянным:

Делай неустанно. Если вспомнишь в ночи, отходя ко сну: «я не исполнил, что надо было», то немедленно восстань и исполни (14; 291).

И в другом месте старец говорит:

Братья, любовь учительница... она трудно приобретается, дорого покупается, долгою работой и через долгий срок, ибо не на мгновение лишь случайное надо любить, а на весь срок. А случайно то и всяк полюбить может, и злодей полюбит (14; 290).

Предложенный старцем Зосимой опытно выверенный путь удостоверения в Божьем бытии доступен любому человеку, этот путь описан, но он не предлежит готовым и гарантированно успешным, а возникает только из самих тех шагов, которые сделает человек, и в их меру. В полноте же своей он проходит в монашестве: монах в своем духовном праксисе познает, «что не только он хуже всех мирских, но и пред всеми людьми за всех и за вся виноват, за все грехи людские, мировые и единоличные...» (14; 149). Причем не только *по общей мировой вине*, а *единолично* каждый за всякого человека. Иван мучается злом других так, что готов расстрелять виновных во зле, — старец предлагает сделать себя *ответчиком* за весь грех людской и предупреждает: прожив искренно эту мысль, тотчас же увидишь, *что оно так и есть в самом деле*. Из этого чувства вины, по словам старца, рождаются духовные плоды:

Тогда лишь и умилилось бы сердце наше в любовь бесконечную... Тогда каждый из вас будет в силах весь мир любовью приобрести и слезами своими мировые грехи омыть... (14; 149).

Здесь все обращено к Ивану и в его лице ко всем: можно принять на себя ответственность за зло и не ненавидеть людей, заботясь о человечестве вообще. Об этом слова старца из его разговора с Хохлаковой — о некоем человеке, с которым у Ивана (как и у Раскольникова) прямое и явное сходство:

Я, говорит, становлюсь врагом людей, чуть-чуть лишь те ко мне прикоснутся. Зато всегда так происходило, что чем более я ненавидел людей в частности, тем пламеннее становилась любовь моя к человечеству вообще (14; 53).

Иван не может понять любви к ближнему и на Бога негодует *из любви к человечеству*. Начало же любви к ближнему — здесь опять же предложен опытно проверенный путь — в сожалении о нелюбви к нему; о нелюбви к конкретному человеку, говорит Зосима, нужно сокрушаться:

...и того довольно, что вы о сем сокрушаетесь. Сделайте, что можете, и сочтет за вас (14; 53).

Здесь необходим переход к главному аргументу Ивана — к страдающим детям: любовь Ивана к детям — это именно любовь *вообще*, а рядом с ним в романе тоже дети, но любит их, этих конкретных детей, Алеша, а не Иван. Иван мучается глубоко — тем злом, о котором он в газетах прочитал, о тех *дальних* детях, не о *ближних*, которые страдают рядом. Вот, например, ситуация, где воочию явлено

детское страдание, — Илюша Снегирев и брат Дмитрий. Кстати, и Смердяков не без участия Ивана становится одной из причин этого детского страдания, ибо все отзывается. Но этого словно не видит Иван. Об Илюше Алеше рассказывает Катерина Ивановна, как он бежал рядом и за отца просил, — знал ли об этом Иван, в этом эпизоде романа не сказано. Но при постоянном общении Ивана с Катериной Ивановной это событие недельной давности, связанное с братом Дмитрием, вряд ли осталось ему неизвестно. И не случайно в композиции романа речь Ивана о страданиях «дальних» детей следует сразу же за эпизодом глубокого детского страдания — здесь, вблизи, в тесной связи с семейной ситуацией, а не где-то вдали, и — безразличного ему. Иван как будто ни при чем. И Катерина Ивановна не случайно обращается к Алеше, не к Ивану, с просьбой передать *вспомоществование* семье штабс-капитана Снегирева.

Сердце Ивана могло бы быть пронзено Илюшиным страданием — зачем тут другие истории. Но ведь *ближний*-то страдающий ребенок может быть куда как непривлекателен, сам камни кидает в других детей, в злобе может и за *палец укусить*. Слова старца Зосимы об образе зверином взрослого человека, отпечатавшемся в детском сердце, сказались вполне, так и Снегирев это выражает, говоря о том, как Дмитрий его за «мочалку» тащил:

...родословная фамильная картина навеки у Илюши в памяти душевной отпечатлелась (14; 186).

Впрямую о невинных детях — старец Зосима:

Деток любите особенно, ибо они тоже безгрешны, яко ангелы, и живут для умиления нашего, для очищения сердец наших и как некое указание нам. Горе оскорбившему младенца (14; 289).

Иван напрасно возмущается, не желая, чтобы вот взяли и простили мучителя ребенка; по Зосиме, здесь отнюдь не легкое прощение, но абсолютная неизбежность страшной ответственности: *горе оскорбившему младенца*. Это *горе* поясняется в мистическом рассуждении старца об адском огне, о *страшнейшей муке духовной — страдании о том, что нельзя уже более любить*, которое нельзя, и простив, отнять у тех, кто упустил возможность любви на земле, что же говорить об *оскорбивших младенца* и поправших любовь.

И далее старец вновь как будто об Иване, ведь причинить зло ребенку, о котором на словах так печется Иван, можно и самим фактом своего «нечестия»; проходя мимо мужичонка, Иван не останавливается ведь перед тем, чтобы из одной только внутренней злобы ударить его:

Вот ты прошел мимо малого ребенка, прошел злобный со скверным словом, с гневливую душой; ты и не приметил, может, ребенка-то, а он видел тебя, и образ

твой, неприглядный и нечестивый, может, в его беззащитном сердечке остался. Ты и не знал сего, а, может быть, ты уже тем в него семя бросил дурное, и возрастает оно, пожалуй, а все потому, что ты не уберешься пред дитятей, потому что любви осмотрительной, деятельной не воспитал в себе. ...Ибо все как океан, все течет и соприкасается, в одном месте тронешь, в другом конце мира отдается (14; 290).

Исход из мучений о детских страданиях для Ивана — бунт. Но тут бы не бунтовать, а себя сделать *благолепнее*, тогда *всем было бы легче*, говорит старец. А потом, мучаясь о *том* ребенке, помочь — *этому*. Слова же о чужом зле могут быть и при искреннем страдании — сокрытым лицемерием, о чем говорит старец Зосима:

И да не смущает вас грех людей в вашем делании. ...Скидывая свою же лень и свое бессилие на людей, кончишь тем, что гордости сатанинской приобщись и на Бога возропщешь (14; 290).

Именно это и происходит с Иваном.

Скорбь о зле и чужом невинном страдании — и здесь речь идет действительно о страшных злодеяниях — может стать почти непереносимой, об этом вновь как будто впрямую говорит старец Зосима Ивану, и здесь предлагая исход:

Если же злодейство людей возмутит тебя негодованием и скорбью уже необходимою, даже до желания отмщения злодеям, то более всего страшись сего чувства; тотчас же иди и ищи себе мук так, как бы сам был виновен в сем злодействе людей. Приими сии муки и вытерпи, и утолится сердце твое, и поймешь, что и сам виновен, ибо мог светить злодеям даже как единый безгрешный и не светил. Если бы светил, то светом своим озарил бы и другим путь, и тот, который совершил злодейство, может быть, не совершил бы его при свете твоём (14; 292).

И, более, о суде над преступником и учителем:

...не может быть на земле судья преступника, прежде чем сам сей судья не познает, что и он такой же точно преступник, как и стоящий пред ним, и что он то за преступление стоящего пред ним, может, прежде всех и виноват (14; 291).

Последнее: о прощении — вот контраст двух сильнейших душевных движений Ивана и — старца Зосимы и Алеши на двух разных путях: не прощать! — простить. Читатель вправе выбрать сам.

Иван, с его отрицанием прощения:

Я убежден как младенец, что страдания заживут и сгладятся... что наконец в мировом финале, в момент вечной гармонии, случится и явится нечто до того драгоценное, что хватит его на все сердца, на утоление всех негодований, на искупление всех злодейств людей, всей пролитой ими их крови, хватит, чтобы не только было возможно простить, но и оправдать все, что случилось с людьми... но я-то этого не принимаю и не хочу принять!

Не хочу я наконец, чтобы мать обнималась с мучителем, растерзавшим ее сына псами! Не смеет она прощать ему! ...Она не имеет права простить, не смеет простить мучителя, хотя бы сам ребенок простил их ему! А если так, если они не смеют простить, где же гармония? (14; 223).

Алеша в ночь его видения Каны Галилейской думает в потоке переживаний: «Все, что истинно и прекрасно, всегда полно всепрощения...» — а далее о круговой поруке прощения:

Простить хотелось ему всех и за все, и просить прощения, о! не себе, а за всех, за все и за вся, а «за меня и другие простят», прозвенело опять в душе его (14; 328).

Старец Зосима говорит грешнице о возможности прощения:

Ничего не бойся, и никогда не бойся, и не тоскуй. Только бы покаяние не оскудевало в тебе — и все Бог простит. Да и греха такого нет и не может быть на всей земле, какого бы не простил Господь воистину кающемуся. Да и совершить не может, совсем, такого греха великого человек, который бы истощил бесконечную Божью любовь (14; 48).

Итак, в композиции романа Достоевский словами старца Зосимы отвечает на все кажущиеся неразрешимыми сомнения Ивана, на его провокационные вызовы; нужно лишь последовать мысли писателя и сопоставить одну позицию с другой, и в системе сцеплений романа выявится строгая иерархическая соотнесенность точек зрения, не равенство их, конечно, вопреки Бахтину, но главенствующее положение одной среди других, в ней исход всех вопрошаний — путь *проверенный, верный*. Таков смысл соположения героев в художественной концепции Достоевского: героя-христианина и героев-атеистов.

Примечания

- ¹ *Достоевский Ф. М.* Полн. собр. соч.: В 30 т. Л., 1973. Т. 6. С. 87. Далее произведения Ф. М. Достоевского цитируются по этому изданию, том и страница указываются в тексте в скобках.
- ² *Достоевский Ф. М.* Письмо к К. П. Победоносцеву от 19 мая 1879 г. // Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: В 30 т. Т. 30. Книга первая. Письма 1878—1881. Л., 1988. С. 66.
- ³ *Достоевский Ф. М.* Письмо к А. Н. Майкову от 25 марта 1870 г. // Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: В 30 т. Т. 29. Книга первая. Письма 1869—1874. Л., 1986. С. 118.

Список литературы

1. Кошемчук Т. А. Персонология Ф. М. Достоевского: полемические размышления // Кошемчук Т. А. Русская литература в православном контексте. СПб.: Наука, 2009. С. 92—212.
2. Кошемчук Т. А. Человек самосознающий в романах Ф. М. Достоевского (Раскольников и князь Мышкин) // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2008. № 4 (97). С. 84—93.
3. Мережковский Д. С. Л. Толстой и Достоевский. Вечные спутники. М.: Республика, 1995. 623 с.

Tat'yana Aleksandrovna Koshemchuk

*Doctor of Philology, Professor,
Department of Linguistics and Intercultural Communication,
Faculty of Law, St. Petersburg State Agrarian University
(Saint-Petersbourg, Pushkin, Russian Federation)
poetica@post.com*

**RASKOLNIKOV, STAVROGIN, VERKHOVENSKY,
IVAN KARAMAZOV — ELDER ZOSIMA:
THE ATHEISTIC IDEA IN THE LIGHT
OF THE CHRISTIAN CONSCIOUSNESS**

Abstract: The article is a study of a set of personological features of atheist characters in Dostoevsky which reveals their status as overcome by evil. Detailed symptoms appear together as a single complex, typical for all atheist characters — anger, resentment, hatred, contempt, revulsion, and finally, a desire to kill and strangle. The reason for this is found in demonology, with the climax in the meeting between the atheist hero and the primary source of his idea, the devil. The situation is presents from the point of view of Christian consciousness as embodied in Elder Zosima. Through his view, Dostoevsky provides answers to all Ivan's seemingly insoluble questions and provocative challenges. Within the novel's internal structure we can trace a strict hierarchical interconnection of various viewpoints. They do not arise as equal, but are subordinated to one which acts as an outcome of all questioning. Such is the meaning of the apposition of characters — atheists and the Christian protagonist - in Dostoevsky's creative world.

Keywords: Dostoevsky's personology, system of features, idea of a characters, atheistic consciousness, Christian consciousness

References

1. Koshemchuk T. A. Personologiya F. M. Dostoyevskogo: polemicheskie razmyshleniya [Personology of Fyodor Dostoyevsky: the Polemical Reflections]. *Koshemchuk T. A. Russkaya literatura v pravoslavnom kontekste* ["Russian Literature in the Orthodox Context" by Tatyana Koshemchuk]. Saint-Petersburg, Nauka Publ., 2009, pp. 92—212.
2. Koshemchuk T. A. Chelovek samosoznayushchiy v romanakh F. M. Dostoyevskogo (Raskolnikov i knyaz Myshkin) [Self-conscious Man in the Novels by Fyodor Dostoyevsky (Raskolnikov and Prince Myshkin)]. *Uchenye zapiski Petrozavodskogo gosudarstvennogo universiteta* [Scientific Notes of Petrozavodsk State University]. 2008, no. 4 (97), pp. 84—93.
3. Merezhkovskiy D. S. *L. Tolstoy i Dostoyevsky. Vechnye sputniki* [Leo Tolstoy and Dostoyevsky. Eternal Companions]. Moscow, Respublika Publ., 1995. 623 p.